

жизнью Арменіи, и сбивающимъ насъ въ изысканіяхъ, и безъ того трудныхъ за гибелью многихъ памятниковъ, а особенно за необслѣдованностью также многихъ рукописныхъ и нерукописныхъ матеріаловъ.

При такомъ положеніи дѣла древне-армянскіе историки являются какими-то сфинксами, а Моисей Хоренскій среди нихъ сфинксъ-колоссъ, ярко отражающій въ себѣ цѣлую эпоху армянской умственной жизни, наиболѣе національной, и потому обратившійся въ національнаго кумира. У армянъ давно пустилъ корни культъ Хоренскаго; о немъ, точно о мидическомъ лицѣ, сложились священныя преданія; *Исторія Арменіи* этого писателя для многихъ и теперь святыня, и въ обсужденіи памятника традиціонныя взгляды составляютъ отправную точку. Попытки поколебать установленный авторитетъ дѣлались давно, и не безъ извѣстнаго успѣха, но попытки эти, принадлежавшія преимущественно не армянамъ, были направлены по существу противъ исторической достовѣрности сообщеній Хоренскаго, основывались на разсмотрѣніи одного или нѣсколькихъ эпизодовъ и исходили отъ лицъ, не вполне усвоившихъ языкъ оригинала или вовсе его не знавшихъ. Г. Халатьянцъ, въ совершенствѣ владѣющій древне-армянскимъ языкомъ и недавно еще проникнутый завѣтнымъ благоговѣніемъ къ «отцу армянской исторіи», рѣшился порвать съ дорогими ему традиціями и взялъ на себя трудъ всесторонне изслѣдовать памятникъ съ иной точки зрѣнія; если читатель не всегда согласится послѣдовать за нимъ, книга однако не преминетъ вселить въ немъ убѣжденіе, что традиціонному пониманію значенія Хоренскаго настала концы, что настоятъ потребность въ установленіи болѣе основательныхъ взглядовъ, и это уже большая заслуга; въ этомъ отношеніи книга имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для не специалистовъ. Специалисты же съ удовольствіемъ найдутъ въ ней матеріалы для исторіи критическаго изученія Хоренскаго, рядъ новыхъ фактовъ историко-литературнаго значенія, часто извлеченныхъ изъ рукописей, не мало остроумныхъ сужденій о различныхъ мѣстахъ въ *Исторіи* Хоренскаго и удачныхъ сопоставленій съ другими памятниками, безукоризненно отдѣланную монографію объ Артаваздѣ и т. п. и, наконецъ, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ, тщательное сличеніе параллельныхъ текстовъ во второй части труда, представляющей весьма желательное справочное пособіе. За все это специалисты скажутъ автору большое спасибо.

Н. Марръ.

Jean Paul Richter. *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit.* Begründet von Rudolf Eitelberger von Edelberg, fortgesetzt von Albert Hg. Neue Folge. VIII Band. Quellen für Byzantinische Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel. Wien, Graeser 1897. LIII + 433 стр. 8°.

Восьмой томъ изданія, полное заглавіе котораго выписано выше, по-

священъ спеціальному обзору зданій К—поля на основаніи главнѣйшихъ извѣстій средневѣковыхъ писателей.

Важность появленія подобнаго рода книги, какъ справочнаго пособія, въ которомъ были бы собраны данныя относительно историческихъ сооружений К—поля, ясна сама по себѣ, и особенно въ настоящее время, когда интересъ къ византійскому искусству и археологіи обнаруживается въ разныхъ спеціальныхъ областяхъ исторической науки. Съ особеннымъ удовольствіемъ должно поэтому привѣтствовать этотъ новый томъ, посвященный византійскому искусству и археологіи. Какъ справочное изданіе эта книга сослужитъ несомнѣнно большую службу всякому спеціалисту по Византіи, хотя съ другой стороны нельзя не видѣть, что это изданіе очень скоро потребуетъ новыхъ пополненій, новыхъ болѣе научныхъ сопоставленій текстовъ и ихъ переводовъ. Но это общая судьба всѣхъ справочныхъ книгъ.

Тексты, собранные въ этой книгѣ, представляютъ въ большей своей части матеріалы для исторіи византійскаго искусства, собранные покойнымъ Унгеромъ. За смертью Унгера первый томъ «*Источниковъ византійскаго искусства*» (Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte) былъ изданъ въ 1878 году въ Вѣнѣ Эдуардомъ Хмеларцъ. Этотъ томъ былъ посвященъ извѣстіямъ о византійскомъ строительномъ искусствѣ вообще и К—поля въ особенности и стоялъ въ полной связи съ намѣченнымъ вторымъ томомъ, который Унгеръ предполагалъ посвятить извѣстіямъ о церковныхъ и общественныхъ зданіяхъ К—поля. Эта вторая задача нашла своего исполнителя въ лицѣ Ж. П. Рихтера, неоднократно уже выступавшаго съ работами по византійскому искусству. Цѣлью его было обнародованіе матеріаловъ Унгера съ нѣкоторыми добавленіями и уже подъ измѣнившимся угломъ зрѣнія (Vorwort, p. V). Рихтеръ нашелъ, что при изданіи подобнаго рода матеріала, хотя бы и представляющаго лишь избранные тексты писателей, необходимо принимать въ расчетъ и ученые изслѣдованія, посвященные изученію искусства, архитектуры и топографіи К—поля. Среди упоминаемыхъ имъ именъ ученыхъ, каковы Кондаковъ, Паспати, Реберъ, Мордтманъ, мы не встрѣчаемъ имени Д. О. Бѣляева, котораго два тома «Byzantina» и рядъ статей трактуютъ въ широкихъ размѣрахъ разные вопросы константинопольской топографіи и исполнены многихъ указаній на архитектуру различныхъ сооружений. Авторъ, однако, ничуть не уклоняется отъ изслѣдованія русскихъ ученыхъ, такъ какъ на стр. 152 онъ цитируетъ статью извѣстнаго ученаго Н. О. Красносельцева.

Матеріаль расположенъ у Рихтера въ болѣе нормальномъ и болѣе научномъ порядкѣ, чѣмъ у Унгера, который придерживался исключительно хронологическихъ данныхъ. Рихтеръ избралъ топографическое распредѣленіе его по поясамъ (Zonen) Константинополя, что ничуть не помѣшало соблюденію и хронологической послѣдовательности въ расположеніи матеріала, относящагося къ каждому поясу. Нѣсколько необхо-

димыхъ приложенийъ предшествуетъ самому тексту. Такъ мы находимъ 1) подробное оглавленіе; 2) перечень писателей, изъ которыхъ дѣлались экскерпты съ указаніемъ страницъ книги, на которыхъ они цитируются; 3) перечень сооруженій каждаго изъ трехъ поясовъ К—поля и 4) хронологическую таблицу царствованій византійскихъ императоровъ, повторяющую такую-же таблицу, приложенную къ I тому. Весь матеріалъ затѣмъ разбитъ на двѣ части. Въ первой части описываются церковныя зданія (1—251), во второй — зданія общественныя: дворцы и проч. Важно указать на значительный шагъ впередъ въ изложеніи этого матеріала. Приводятся не только значительныя разночтенія, но не опускается ни одна подробность реального характера. Указываются не только мозаики, живопись, иконы, кресты, утварь, колонны, мраморы, золотыя, серебряныя, эмалевыя вещи, но и все, что относится къ украшенію какъ церквей, такъ и общественныхъ зданій, по скольку эти подробности входятъ въ составъ приводимыхъ текстовъ, такъ что книга является прекраснымъ пособіемъ при занятіяхъ всякаго рода «realia» византійскаго художественнаго быта. Однако, эти подробности, столь важныя во множествѣ случаевъ при специальныхъ занятіяхъ, не всегда съ удобствомъ добываются изъ книги. Дѣло въ томъ, что книга даетъ лишь переводы текстовъ на нѣмецкій языкъ, такъ что всякій разъ необходимо при пользованіи даннымъ текстомъ обращаться къ оригиналамъ, которые, конечно, не всегда могутъ быть подъ рукой. Я не знаю, почему въ книгѣ не удовлетворено это главнѣйшее научное требованіе, тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ среди изданій тѣхъ издателей (Edelberg-Plg) мы находимъ и оригинальный текстъ и переводъ. Переводъ замѣняетъ оригинальное слово нѣмецкимъ, а это послѣднее не попадаетъ весьма часто въ указатель, приложенный въ концѣ книги, и любопытная частность ускользаетъ отъ читателя. Напр. въ указателѣ нѣтъ слова «Holzschnitzerei», тогда какъ въ текстѣ я видѣлъ это слово на стр. 100 § 127, и на стр. 70. Слово «Nabel», часто по нѣмецки передающее греческое слово *ὀμφάλιον*, также не помѣщено въ указателѣ, а подъ словомъ *ὀμφάλιον* мы находимъ лишь тѣ случаи, которые удержали въ книгѣ греческое названіе и не были переведены (См. напр. у Павла Силенціарія р. 69). Равнымъ образомъ не указаны и всѣ случаи употребленія слова *Elfenbein* (стр. 74) и много другихъ, перечислять которые я не имѣю охоты.

Между прочими многочисленными указаніями различныхъ изображеній святыхъ мы находимъ и указаніе на существованіе изображенія св. Леонтія, которое находилось въ Космидіѣ. Характерная фраза, описывающая это изображеніе, приводитъ на память упоминаемаго Антоніемъ Новгородскимъ попа Леонтія, котораго недавно (Ж. М. Н. Пр. Июль 1897) Х. М. Лопаревъ отождествилъ съ Львомъ изъ Пруссы Виеинской. Изображеніе Леонтія находилось гдѣ-то надъ дверьми вблизи изображеній Богородицы и Космы и Даміана, но отдѣльно отъ нихъ. Леонтій здѣсь не называется святымъ, и не имѣетъ какого либо иного эпитета опредѣ-

ляющаго его ближайшимъ образомъ, а называется «большимъ человѣкомъ» (und einer der grossen Männer Namens Leontios), что напоминаетъ выражение Антонія Новгородскаго: «Леонтей... «великъ человѣкъ» и характеристику его роста въ Минейской памяти 9 октября (Ж. М. Н. П. Июль, 408): μεγέθει καὶ ῥώμῃ σεμνόμενος. Антоній Новгородскій указываетъ его мощи въ портикѣ («на уболѣ») церкви св. Георгія, а Минеи — въ церкви св. Фоки. Переводъ указаннаго мѣста объ изображеніи Леонтія сдѣланъ Рихтеромъ изъ Concil. Nic. II, Mansi XIII, 64. (Richter p. 154).

Д. Айналовъ.

Franz Hanna. *Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas nach dem Codex Vindobonensis.* Jahres-Bericht über das K. K. Akademische Gymnasium in Wien für das Schuljahr 1895—96. Wien 1896. S. 3—13.

Σπυρ. Π. Λάμπρος. Ἀγιορειτικὰ ἀπόγραφα τοῦ Σπανέα, νῦν τὸ πρῶτον ἐκδιδόμενα. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τόμος ε', τεῦχος 17 (1896), σελ. 103—122.

Ὁ Franz Hanna μᾶς εἶναι γνωστὸς ἐκ τῶν εὐαρίθμων ἀξιολόγων του Kritische Bemerkungen zu Spaneas (Serta Harteliana. Wien 1896, σ. 93—96). Εὗρεν ὁ αὐτὸς τρεῖς διαφόρους συντάξεις τοῦ Σπανέα ἐν τῇ καισαρικῇ τῆς Βιέννης βιβλιοθήκῃ, καὶ τούτων τὴν τρίτην κατεχώρισεν ἐν τῇ ἐτησίᾳ ἐκδέσει τοῦ ἀκαδημαϊκοῦ τῆς πόλεως ταύτης Γυμνασίου, μετὰ τινων παρατηρήσεων περὶ τῆς ἐκδόσεως τοῦ κειμένου καὶ τῆς σχέσεως αὐτοῦ πρὸς τὰς ἤδη προεγνωσμένας συντάξεις. Τὸ νέον τοῦ Hanna κείμενον, καὶ πρὸς τιμὴν αὐτοῦ τοῦ ἐκδότου καὶ συντομίας χάριν, ὀνομάζω ἐνταῦθα ἀπλῶς Η. Τὸ Η λοιπὸν εὗρέθη ἐν τῷ βιενναίῳ Cod. theol. 193, φύλλ. 221^v—223^r, καὶ εἶναι γεγραμμένον ἐν διστήλῃ· ἀλλ' ἀτυχῶς, ἐπεὶδὴ τὰ εἰρημένα φύλλα τοῦ κώδικος εἶναι καθέτως ἡμικεκομμένα, τὸ Η περιῆλθεν εἰς ἡμᾶς ἐλλιπέστατον· πρὸ ἐνὸς ἐκάστου δηλαδὴ στίχου σφζομένου μᾶς ἐλλείπει εἰς ἕτερος παράλληλος στίχος· διὰ τοῦτο τὸ Η, ὡς ἔχει, σύγκειται κυρίως ἐκ στίχων τελείων 101 καὶ ἔκ τινων λέξεων ἢ καὶ συλλαβῶν ἀπλῶς ἐτέρων τινῶν στίχων. Κατὰ τὸν ὑπολογισμὸν τοῦ Hanna διὰ τῆς ἡμιτομίας τῶν φύλλων ἀπωλέσθησαν στίχοι 98, οὓς καὶ βοηθεῖα τῶν προεγνωσμένων τοῦ Σπανέα συντάξεων προσεπάθησεν αὐτὸς νὰ συμπληρώσῃ ἐν τῇ τυπώσει τοῦ διασωθέντος κειμένου, παραθέμενος οὕτω τὰς συμπληρώσεις ἐντὸς ἀγκυλῶν. Ὁ ἐκδότης ὁμολογεῖ εἰλικρινῶς, ὅτι ἡ συμπλήρωσις του ἐγένετο ἄνευ τινὸς ἀξιώσεως· ἠθέλησεν ἀπλῶς νὰ συνδέσῃ τὰς ἐννοίας τῶν διασωθέντων στίχων πρὸς τὰς ἐννοίας τῶν ἀποκοπέντων, καίτοι ἐν συνειδήσει ἐγίνωσκεν, ὅτι διὰ τῆς κατόπιν ἀνευρέσεως ἐτέρων τοῦ Σπανέα συντάξεων ἠδύναντο αἱ γενόμεναι συμπληρώσεις νὰ μεταβληθῶσι πολλαχοῦ· τοῦτο δὲ καὶ συνέβη διὰ τῆς ὑπὸ τοῦ καθηγητοῦ Σπυρίδωνος Λάμπρου ἐκδόσεως τοῦ ἐν τῇ μονῇ τοῦ Δοχειαρίου ἀπογράφου, ἐξ οὗ παρατηρεῖ πᾶς τις, ὅτι πολλαὶ τῶν συμπληρώσεων ἐκείνων εἶναι ἀτυχεῖς. ἐπεὶδὴ δὲ καὶ οἱ σφζόμενοι τοῦ Η στίχοι παρουσιάζουσι κείμενον πολλαχοῦ διαφέρον τῶν ἐγνωσμένων αὐτοῦ συντάξεων, ἐπιτρέπεται νὰ παρατηρηθῇ, ὅτι ἡ τῆς ἀναπληρώσεως τοῦ Hanna ἀπόπειρα δὲν ἦτο ἀναγκαία, ἂν μόνον ἤρκεῖτο